

Алла Ларионова

Красота по-русски

25 апреля, на Страстной неделе, под Пасху, умерла Алла Ларионова, знаменитая советская актриса, блиставшая в фильмах «Садко», «Анна на шее», «Двенадцатая ночь», «Полесская легенда»... Умерла смертью праведницы, во сне. 3 июня было сорок дней, как ее нет на белом свете.

вержения, отмахивалась: «Да ладно вам! Желтая пресса. Статья вон на полосу, а опровержение наберут меленько-меленько на последней странице, никто и не прочтет». Привычка современных журналистов к жестким формулировкам иногда укатывает повороты судьбы в ровную дорогу. Плакат замещает живого человека, а у живого человека есть сердце, и оно иногда болит. На самом деле судьба ее куда романтичнее.

...Мы сидим в ее уютной квартирке, похожей на изящную табакерку. Здесь все, как она хотела. Вот только шторы выбрала, но не успела повесить после ремонта. На кухне лампа с розовыми лепестками, она так ей нравилась. У изголовья кровати иконки, на полке коллекционная кукла. В корзинке для вязания плюшевое зверье. На холодильнике прищиплены магнитом записочки, ее рукой писанные: счета, список неотложных дел, числа, по которым надо принимать лекарства. С Аленой Рыбниковой, дочерью Аллы Дмитриевны и Николая Николаевича, раскладываем на столе фотографии и вместе с ее подругами и соседками, Татьяной Роговой и Светланой Павловой («Три сестры», — шутили они о себе), пытаемся отделить зерна от плевел: направо — ложь, налево — правду. Все, что дальше, их общий голос — голос людей, любивших Аллу Ларионову.

Аллочка-школьница

С мамой, Валентиной Алексеевной

ТВ Парк - 2000. - 18 июня. - с. 56-59 **Легенда**

О ее красоте твердили все. О ее красоте, ее известном муже, киноактере Николае Рыбникове, и легендах, которые сопровождали их счастливую, но непростую кинематографическую судьбу.

Ах, ей посвящал стихи Жерар Филип! Ее хотел снимать Чарли Чаплин! Ей поклонилась сама Мэри Пикфорд! Знаете, в нее был влюблен Александр Вертинский, дарил ей охапки сирени ко дню рождения (это в феврале-то!). И последние минуты своей жизни провел с ней. А еще у нее был роман с Иваном Переверзевым. И вообще куча романов. Она даже была любовницей министра культуры Александрова. Купалась в ванне с шампанским, лихо гоняла на автомобиле, курила. Муж страшно ее ревновал, однажды даже к Юрию Гагарину, и бил морду поклонникам. Как жаль, что в кино она сыграла всего

тринадцать ролей! Восемь лет назад она уже умирала: ей стало плохо прямо в самолете. У нее же было несколько инсультов. После смерти Рыбникова в 1990 году она жила одна, покрестилась, стала очень набожной, поменяла их роскошную пятикомнатную квартиру на «хрущобу», умерла в полном одиночестве...

В этих легендах много глупостей и неправды. Хотя почти каждый из говоривших или писавших обо всем вышеупомянутом утверждает, что Аллочка (или Алла Дмитриевна) эти легенды никогда не опровергала. Но не делала она этого потому, что никогда не считала их главным в своей жизни. Когда возмущенные ложью подруги предлагали ей писать опро-

Быль

Жерар Филип действительно написал ей экспромт — «блондинке в платье голубом». «Он мне нравился, он очаровывал», — говорила она. И Жан Марэ наговорил ей комплиментов. Чарли Чаплин на самом деле хотел ее снимать, даже прислал телеграмму в Союз, но в те времена для советских кинозвезд международная карьера была исключена. Чаплину ответили, что актриса занята на съемках.

На фестивале в Аргентине Мэри Пикфорд, знаменитая кинодива

двадцатых, действительно низко поклонилась двадцатилетней девочке и спросила: «Какой крем вы употребляете, что так выглядите?» И девочка, раскрасневшаяся от бокала шампанского, ответила: «Этот крем называется молодость». А на фестивале в Бразилии она общалась с «кинематографической королевой Италии» Анной Маньяни. Они мило посмеялись, когда та приняла за жениха Ларионовой сидевшего рядом Бондарчука.

К своей славе, как с годами и к перемене участи, она относилась спокойно. Даже равнодушно. «Я очень мудрый человек», — говорила дочери. Слава была подлинной. Потом пришли другие времена,

другие звезды. В ее архиве сохранилась папка фотографий: «Я со знаменитостями» — себя она как бы иронично вывела за скобки. О том, что ее приглашали сниматься в Италию, не хвасталась, ведь все равно не пустили. В Венеции после триумфа фильма «Садко» выпустили журнал о ней — «Алла». Хотя бы раз об этом в интервью упомянула — узнали об этом от Яна Фрида, рассказал по ТВ. В Греции была признана лучшей актрисой года. Могла бы ходить, задрав голову. Молчала. Ее это как бы и не волновало. Так бывает с очень красивыми людьми и, видимо, очень гармоничными, самодостаточными натурами.

Жизнь

По ее собственному признанию, жизнь была похожа на историю Золушки. Родилась в Москве. Впервые попала в кино из детского сада. Однажды на загородную дачу, где отдыхали дети, приехали тетеньки и дяденьки с кинокамерой, отобрали двух мальчиков и девочку в конопушках, отсняли и уехали. Встреча была. Потом ее, восьмиклассницу, на улице остановила режиссер Надежда Кушнеренко и задала сакраментальный вопрос: «Девочка, хочешь сниматься в кино?» Она сказала: «Хочу». Это оказалась мать Якова Сегеля, с

которым Ларионова потом училась на одном курсе во ВГИКе, в мастерской Герасимова и Макаровой. Сниматься начала в 1952 году. Первый заметный успех — в «Садко». Сыграла в кино совсем не тринадцать, а около сорока ролей.

В 1990 году получила звание народной артистки России. В 1992 году впервые в жизни вышла на сцену с вахтанговскими артистами, Марианной Вертинской, Вячеславом Шалевичем и Михаилом Воронцовым. До нее в спектакле «Коварство,

деньги и любовь» по Зоценко играла Людмила Целиковская. Когда она заболела, ввели Ларионову, актеры сразу признали ее своей. «А Люся благословила меня на эту роль». Гастролировала со спектаклем и по стране, побывала в Америке, Германии, Израиле и даже в Австралии. Спектаклем страшно дорожила (у нее там было сразу три роли), всегда безумно волновалась, боясь подвести коллег. «Боже мой, — говорила перед гастролями в Германию. — У меня там сцена на столе. Как же я на него забе-

Первые красавицы советского кино: Клара Лучко, Лидия Смирнова, Алла Ларионова и Нонна Мордюкова

рус?» Иногда прямо из больницы мчалась на гастроль, очень много ездила в последние годы, никому не могла отказать. Порой, идя на спектакль и почувствовав, что сердце в груди колотится, брала Марианну Вертинскую под руку и лукаво говорила, что надо вытряхнуть камешек из туфли, — так отдыхала. По этой же причине очень любила пройти под руку с Лидией Смирновой: «Тут уж как бы я ее поддерживаю».

У нее с детства было хрупкое здоровье: слабые легкие, сердце. Микроинсульт у нее действительно был, а вот недавний инфаркт врачи прозевали, приняли за отравление лекарствами.

Любовь

Все разговоры о ее романе с Вертинским — полная глупость. Да, он рукоплескал ей после съемки «Анны на шее», да, она пила «коньячок с лимоном» на ковре в его номере в большом кругу молодежи, которую Вертинский любил и с которой умел общаться. И сирень он ей прислал, когда родилась ее дочь, и предложил себя в крестные отцы. А автограф Вертинского, о котором болтают как о какой-то любовной записке, вот он. Было чем похвастаться, но она молчала: «Желаю Вам большой карьеры и верю в нее. Но не спешите с «личной» жизнью. Помни-

Даже по фотографии видно, что Жерар Филип смотрит только на нее

Рыбников явно счастлив, что победил всех (50-е)

своеобразно. В одно прекрасное утро она прочла в газете информацию о советской киноделегации, едущей во Францию, и нашла свою фамилию в списке.

Конечно, как у всякой красивой женщины, у нее были поклонники, может быть, и романы были, но все на уровне флирта, а когда она осталась без

лет в «Марье-искуснице». Но романа никогда не было, он был женат, были дети, в такие игры она не играла. И Переверзев был в нее влюблен, какое-то время они даже пытались жить вместе, но однажды она собрала вещи и ушла навсегда. И никогда с ним не виделась, и никогда про это не вспоминала.

Вдвоем

С Николаем Рыбниковым романа тоже как такового не было. «Коля мне очень нравился, но я это всячески скрывала, потому что он тогда был влюблен в другую». А дальше — «он добивался меня шесть лет и наконец победил». Их история действительно использована в фильме Петра Тодоровского «Какая чудная игра»: не только история их любви, но и история студента, который спародировал голосом Левитана сообщение о снижении цен, — именно такую шутку отчебучил Рыбников во ВГИКе. Поженились они в Минске, куда Рыбников приехал к ней на съемки «Полесской легенды» в канун 1957 года, расписались 2 января в единственном открытом в городе загсе. Прожили вместе как в сказке тридцать лет и три года. У них две дочери, Алена и Ариша. Алена много лет работает режиссером-монтажером на ОРТ, Ариша закончила полиграфический. Две любящие девочки, звавшие маму Мусиком, звонили, приезжали, опекали ее до конца дней.

Формула жизни у Николая Николаевича была проста: «Любимая женщина, любимый дом, любимая работа». Ей и следовали. Мальчишка из Борисоглебска, рано оставшегося сиротой, родители Аллы приняли сразу. Дом держала мама Аллы,

Валентина Алексеевна, женщина сильная, властная, строгая, ей помогала домработница. Мама безумно всех любила, всех обихаживала, пока Ларионова и Рыбников снимались. «Думаю, это и спасло нашу семью. При первой же возможности мы мчались друг к другу и к нашим дочерям... Честно говоря, я не понимаю, как это люди могут быть все время рядом: и просыпаются вместе, и завтракают вместе, и в отпуск вместе. Вот тут и сковородкой можно огреть». Семья держалась и на том, что характерами они как бы дополняли друг друга. Он был человеком увлекающимся. Она — более рациональным. Он обожал ходить на хоккей. Она предпочитала смотреть его по телевизору. Он был помешан на шахматах. Она относилась к ним прохладно. Да, он ревновал ее (а можно ли было такую не ревновать?), но это никогда не становилось проблемой их жизни. Он ходил на рынок, любил колдовать у плиты. Она разводила цветы, украшала дом. Любила тонкую ювелирную работу. Выйдя на пенсию, наконец начала вышивать скатерть, на которой много лет расписывались знаменитости, бывавшие в доме. В дни больших торжеств любимые Рыбниковым пальмени лепили всем миром, разумеется, под его руководством. Процесс соления грибов и помидоров он превращал в священнодействие. Последние «рыбниковские» помидоры открыли на его поминках...

Они и старость встретили по-разному. Он все-таки страдал, когда его не снимали, садился на диету, начав полнеть и считая, что в этом причина. Бросил курить, когда ему сказали, что легкие не в порядке. Горько пошучивал над тем, что на-

При первой возможности они мчались друг к другу и своим дочерям (60-е)

те, что Вы обречены: Стучать в сердца людей/ И укрощать зверей..., как говорит Вертинский. И поэтому не разжалобивайте себя мыслями об одиночестве. Актер — всегда один... Но зато он Бог!.. А боги одиноки. А. Вертинский».

В истории с министром культуры Александровым не было ни дыма, ни огня. Никакой пикантности, только слезы. Она снималась в «Двенадцатой ночи» в Ленинграде, он приехал знакомиться с «Ленфильмом», увидел ее, пригласил поужинать — в большой компании. Поскольку Александров был известным бабником, студия зажуужжала на следующий же день. А когда его сняли с должности, ее вдруг перестали снимать. Она писала новому министру Михайлову, просила разобраться. Разобрались

Рыбникова, ей никто не был нужен вообще. Во времена «Анны на шее» и роман с Жаровым ей приписывали. А они чаще всего говорили о детях — у него тогда родились долгожданные дочки. Про Евгения Моргунова тоже могли бы что-нибудь сочинить. Уж с очень серьезным лицом он шутил: «Сама Ларионова в моей постели спала». Это потому что для съемок «Анны на шее» у могучего телом артиста позаимствовали его гигантскую кровать. А в последние годы художник Никас Сафронов обивал пороги ее дома. На вопрос подружки «Это тебе нужно?» она смеялась: «Это поднимает мне настроение».

Когда-то она была влюблена в синеглазого Михаила Кузнецова: и молодым он был хорош в «Иване Грозном» и «Машеньке», и в сорок

Они любили гулять вдвоем в Останкино, он читал ей стихи или что-нибудь напевал (80-е)

чал лысеть. Она жизнь принимала сдержанно-философски и всегда находила, чем себя занять.

Сама

«Самое страшное в старости — быть смешной», — считала она. Выглядела всегда улыбчивой, доброжелательной, несуетливой. Была не жадной совершенно, доверчивой. У нее постоянно кто-нибудь занимал деньги и часто не возвращал. Один раз только заплакала, рассказывая Алене по телефону, как в троллейбусе у нее вытащили кошелек. Было не жалко двадцати двух рублей, было просто обидно.

Трусихой была — это правда. Уже в девять вечера начинала волноваться, как будет возвращаться домой. Идеальной хозяйкой действительно не была, но при такой маме и таком муже это было и не за чем. Курила всегда, и всегда много. Иногда звонила даже из больницы: «Срочно, две пачки «Мальборо». Всегда хорошо говорила. Даже если ее просили выступить за пять минут до начала, экспромт казался хорошо и умно построенным. Автомобилисткой была лихой. С ней никогда не боялись ездить: «Когда за рулем Алуня, жизнь гарантирована».

Праздник — это когда мама дома (с дочерьми Алень и Аришей, 60-е)

15 Парк — 2000 — 18 июня — с 56-59

Могили мамы и бабушки они часто навещали вместе (90-е)

Одинокой она никогда не была. Творчески в последние годы была востребована. Иногда даже отбивалась от журналистов. На фестивали ездила, на киношные вечеринки ходила, иногда продолжала праздновать у кого-нибудь из подруг. Поводом мог стать даже день рождения любимой собаки. Готовили что-нибудь вкусненькое, Алла Дмитриевна очень любила пирожки с зеленым луком. Рассказывали анекдоты, сплетничали, но у нее это никогда не выходило зло. Она была бесконфликтным человеком и абсолютно неавистливым. И никаких капризов, никогда никаких комплексов. Всегда находила золотую середину. В ее жизни не было трагедии, ее устраивало то, чем она занималась. Поместили в четырехместную палату в больнице? Ну и ладно. Каким-то образом уговорили сняться в эпизоде? Ну и пожалуйста. Так она появилась в крошечной роли в «Льве Гурыче Синичкине» и в эпизоде фильма «Снова Анискин».

Она была компанейской, веселой, заводной и никогда не несла себя как хрустальную вазу. Одинокой не была, но одиночество любила. От людей уставала: «Хочу одна. Почитать, полежать, походить». Закрывалась дома, читала газеты и журналы, смотрела телевизор, плотала романы Марининой, очень любила мемуары. Свои написать хотела, но так и не собралась: «Не хочу лукавить».

Она действительно крестилась в Иерусалиме: «Я пронзительно поняла, что я — на Святой земле, что я душою — готова. Прийти к Богу никогда не поздно. Хотя трудное это восхождение, особенно нам, лицедеям». Много лет назад в Аргентине отец Никодим подарил ей иконку Божьей Матери, с тех пор она везде возила ее с собой. Дома у нее было много икон, и в церковь она ходила, но кликушеством не грешила. Отец Николай, настоятель церкви Ильи-пророка, был ее духовником. Побывав в Кремле у Патри-

арха на Пасхе, страшно стеснялась к нему подойти. Когда подруга представила ему «бывшую красавицу советского кино, нашу гордость», он порывисто воскликнул: «Да что вы! Она и сейчас такая же» — и благословил.

Восемь лет назад ей стало плохо в самолете. Ее положили в проходе — в креслах было тесно, — стали откачивать. Валентина Титова тихонько сказала: «Алла, давай я сниму парик, будет легче дышать». Алла возмутилась: «Ни-ког-да! Умирать — в парике!» За несколько дней до смерти она получила в подарок скарабея, очень радовалась: «Я сейчас во все верю, мне нужно здоровье». Накануне в полдвенадцатого ночи курила на балконе. Утром должна была ехать к врачу, поэтому легла спать, как всегда: сеточка на волосах и две большие бигуди впереди. Утром 25-го к врачу она так и не поехала. Лежала, свернувшись калачиком, спокойная, словно спящая...

Ее похоронили на Троекуровском кладбище рядом с Николаем Рыбниковым. 13 декабря этого года ему было бы семьдесят. А 19 февраля 2001 года было бы семьдесят и ей.

На вопрос подруги «Ты никогда не уставала от поклонения зрителей и любви мужчин?» она ответила: «Что ты! Разве от этого можно устать? Просто к этому надо правильно относиться. Не как к должному, а как к дару, который надо беречь. На земле никто никому не должен. Красота в конце концов — Божий дар. А у актера еще и профессия. И надо уметь этот дар отработать. Все хорошее у нас от Бога, а уж глупости — свои».

Наталья Казьмина
Фото из архива
семьи Аллы Ларионовой
и друга семьи
Вадима Маркова